

Глобализация и изучение идентичности

Н. Н. ФЕДОТОВА

(МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ)*

Проблема идентичности стала за последние десятилетия ведущей в социологии, но при этом она распалась на отдельные сферы, проблемы и подходы. В данной статье автор анализирует методологию исследований этой проблемы и выясняет ее связь с глобализацией, поскольку контекст глобализации наименее исследован.

Ключевые слова: глобализация, идентичность, жизненный стиль, класс, плюрализация, социальные трансформации.

Globalization and Study of Identity

N. N. FEDOTOVA

(MOSCOW STATE INSTITUTE OF INTERNATIONAL RELATIONS (UNIVERSITY)
OF THE MFA OF RUSSIA)

The problem of identity has become major in sociology over the past decades. However, it remains broken into separate fields, problems and approaches. In this article the author discusses research methodology for the problem and examines its relationship with globalization, because the context of globalization is least of all studied.

Keywords: globalization, identity, life style, class, pluralization, social transformations.

Методология изучения идентичности. Отечественная литература по проблеме идентичности обширна. Некоторые авторы получили известность, занимаясь этой проблемой. Среди них А. М. Дробижева, В. С. Малахов, А. В. Костина (Костина, 2009), Е. Н. Шапинская (Шапинская, 2009). Необозрима западная литература, посвященная идентичности. Достаточно назвать такие имена, как З. Бауман, Э. Гидденс, С. Хантингтон, Э. Эрикссон.

Понятие идентичности имеет в литературе самые различные значения. Приведем определение Хантингтона, которое представляется нам самым продуктивным из многообразия имеющихся: идентичность — «смысл себя» (Huntington, 2004: 21–22).

Особенностью этих исследований является междисциплинарный характер, пересечение проблемных полей ряда дисциплин — социологии, философии, антропологии, этнографии, психологии, истории, лингвистики и пр. Тем не менее изучение коллектив-

ной идентичности имеет социологическую традицию. Это и коллективное сознание у Э. Дюркгейма, и классовое сознание у К. Маркса, и сопоставление сознания общества и общности у Ф. Тенниса, и сознание общности у А. Этциони. Во всех этих случаях понятие идентичности характеризует «Мы-отношения» в группе, подчеркивая схожесть членов группы, позволяющую им испытывать солидарность и чувствовать объединяющее «Мы». В иных случаях «Мы» — предмет не только полемики, но и борьбы.

Изучение идентичности занимает одно из центральных мест в современном социологическом дискурсе. Микросоциологические исследования (совмещенные с областью социальной психологии, осуществляемые символическим интеракционизмом) в публикациях 1970-х годов были сосредоточены главным образом на формировании «Я». Однако исследования идентичности последних десятилетий (начиная с 1980-х годов) посвящены не этим традиционным проблемам.

* Федотова Надежда Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России. Тел.: +7 (495) 434-94-26. Эл. адрес: nnfedotova@rambler.ru

Как показывает американская исследовательница Карен Церуло, ранняя социологическая литература подходила к изучению коллективной идентичности с *натуралистически-эссенциалистской точки зрения*, т. е. предполагала естественную данность ее сущности (Cerulo, 1997: 386–387). Согласно натуралистически-эссенциалистскому подходу схожесть характеристик идентичности вытекает из общих и объективно присущих психологических черт и установок, структурных характеристик общества и прочих «естественных» параметров, сохраняющих свою неизменность. Современные трактовки коллективной идентичности, по мнению Церуло, поставили под вопрос натуралистически-эссенциалистскую интерпретацию коллективных свойств. Антиэссенциалистские трактовки коллективной идентичности основаны на *концепции социального конструирования идентичности*, нередко дополняемой категоризациями коллективного и постмодернистскими трактовками общего группового опыта.

Конструктивистская трактовка идентичности видит все коллективное как социальный артефакт, как целостность, возникающую, реконструируемую и мобилизуемую в соответствии с культурными кодами и центрами силы. Большое внимание ею уделяется исследованию агентов социализации — расы, этноса, класса, семьи, гендера, средств массовой информации и популярной культуры. Особое внимание обращено на национальную идентичность, имеющую сегодня большое значение в связи с формированием капитализма в новых незападных регионах и сопутствующего этому становлению наций.

Постмодернизм с его идеями деконструкции также принадлежит к этому второму направлению интерпретации идентичности. Оба эти направления расходятся в признании идентичности как естественной самоидентификации сущностей (в натуралистически-эссенциалистском направлении) и как исторически изменчивой и социально обусловленной, т. е. меняющейся самоидентификации

социальных групп и индивидов. Натуралистически-эссенциалистская теория идентичности застывает в опоре на объективные основы идентичностей. Недостатки конструктивистской теории заключаются не в том, что она видит идентичность изменчивой, а в том, что она преувеличивает значение когнитивных практик, зависимость идентичности от способов идентификации, не доверяя объективной стороне изменений идентичности.

Контексты, в которых проблема идентичности имеет значение. Идентичность изучается в тех контекстах, где она наиболее очевидным образом меняется и становится проблемой. К этим контекстам относятся социальная сфера, в связи с изменениями которой меняется идентичность; социальные сети в Интернете, производящие новые типы общностей, проблема идентичности которых оторвана от исторических корней и традиционных ценностей; этносы и нации, стремительное самоутверждение которых производит коренной сдвиг в идентичности этнонациональных общностей. Натуралистически-эссенциалистская трактовка идентичности не применяется сегодня всецело даже к полу, подвергаясь критической гендерной переоценке и трансформации в группах сексуальных меньшинств, где культурные конструкты действуют подобно биотехнологиям. Классовая структура вытесняется общим консюмеризмом и многочисленными стилями жизни, притягивающими на новую идентичность.

В литературе отмечается, что в основе этих изменений лежат несколько важных тенденций.

1. Социальные и националистические движения последних трех десятилетий перевели внимание исследователей на вопросы групповой и политической активности. В результате этого представлен дискурс коллективного, включающий в себя гендер, класс, а также расовую и этническую принадлежность (Appiah, Gates, 1995: 1). Находясь в фокусе внимания, коллективное интересуется здесь как степенью своей устойчивости,

так и политическими последствиями своей активности.

2. На уровне коллективности изучаются механизмы создания, поддержки и изменения различий, соотношение интеграции и дифференциации в обществе, взаимодействие изучаемых групп и слоев общества. Структура обществ сегодня подверглась новой дифференциации в результате внутренних изменений и глобализации, а интеграционные связи получили новые направления. Это меняет идентичность как слоев, групп, так и отдельных индивидов.

3. Новые коммуникационные технологии отделили взаимодействия людей и групп от их физического присутствия. Эти технологии расширили спектр «обобщенных других», вносящих вклад в конструирование идентичности. В компьютерных сетях рождаются связи, которые теряют свою виртуальность и влияют на политику и жизнь людей. Примерами могут стать победа Барака Обамы на выборах в США, обеспеченная преимущественно его обращением к молодежи через Интернет; протест молодежи в Польше против клерикализации страны, возникший из-за принятого в Интернете решения молодых людей выступить против требующих сохранения креста памяти погибшего президента Качиньского на площади, а не в соборе; террористическая атака Аум Сенрикё, произведшей взрыв бомбы в токийском метро из-за идей, выработанных группой в ходе формирования своей искусственной идентичности, как показал М. Кастельс (Кастельс, 2000:27); реальные убийства, совершаемые подростками после аналогичных виртуальных компьютерных игр. Это рождает новые исследовательские области: содержание «Я» и «обобщенных других» в средах, лишенных места и времени, морали и сформировавшейся в обществе идентичности, создание «сообществ ума» и соотношение реальной и виртуальной идентичности (Serulo, 1997: 385–386).

4. Глобализация как новый мегатренд, затрагивающий все сферы жизни обществ, а также идентичность групп и индивидов.

5. Стремление религий и цивилизаций к сохранению идентичности, которому противостоит глобализация.

Жизненные стили и плюрализация идентичности. Идентичность становилась проблемой в связи с тем, что отмеченные выше изменения резко ломали прежние идентичности, порождая вакуум самоидентичности и осознания смысла себя. Наступал кризис идентичности. По мнению С. Хантингтона, он затронул практически все страны мира.

Известный ученый А. Сен считает, что монизму религиозного или цивилизационного определения идентичности, вытекающего из заботы о сохранении солитаристски ориентированной идентичности, противостоит ее плюрализация под воздействием факторов, «ответственных» за изменение идентичности: «Цивилизационное или религиозное деление населения мира является проявлением «солитаристского» подхода к человеческой идентичности, которое видит людей членами исключительно одной группы (в данном случае определяемое цивилизацией или религией в противоположность прежней вере в национальность или класс)» (Sen, 2006: 12). Но это — путь к взаимонепониманию. «В обычной жизни, — пишет Сен, — мы видим себя членами ряда групп... мы принадлежим всем им. Человек без каких бы то ни было сложностей может быть американским гражданином карибского происхождения с африканскими корнями, христианином, либералом, женщиной, стайером, историком, школьным учителем, писателем, феминисткой, гетеросексуалом, защищающим права геев и лесбиянок, театралом, активистом экологического движения, фанатом тенниса, джазовым музыкантом... Все эти коллективные принадлежности, к каждой из которых одновременно принадлежит человек, дают специфическую идентичность. Ни одну из них нельзя расценивать как единственную идентичность... Поскольку наши идентичности неизбежно плюралистичны, нам следует принимать решения об относительной важности различных групп, к кото-

рым мы принадлежим в каждом конкретном случае» (Sen, 2006: 12–13).

Эта точка зрения, на мой взгляд, во-первых, сводит идентичность к индивидуальной Я-идентичности, во-вторых, путает *социальные роли* и идентичность, определенную выше как «смысл себя». Удивительная вера в преобладающую роль индивидуальной идентичности в сравнении с групповой, в частности этнической, религиозной и цивилизационной, не выдерживает критики. В частности, немецкий ученый Н. Элиас, занимавшийся этой проблемой, отмечал изменение баланса между «Я» и «Мы». Оно состоит в том, что при наличии границ между ними, их нельзя разорвать: «...старая традиция, в соответствии с которой понятие «индивид» и «общество» часто употреблялись так, словно речь идет о двух отдельно существующих предметах, неизбежно приводит к заблуждению... отдельный человек несет в себе габитус группы и, взрослея, более или менее индивидуализирует его» (Элиас, 2001: 253–254).

В-третьих, упоминаемые Сенем *принадлежности* человека к группе характеризуются теперь чаще не как роль, а как *стили жизни*. *А стили жизни, их многообразие могут нередко быть альтернативой идентичности в условиях ее кризиса*. Тот человек, о котором Сен сообщает, кто он, уже не может быть мусульманином, консерватором, мужчиной, гомофобом, нелюбителем театра, противником тенниса, врагом экологических движений. И эти «запреты» в большей мере говорят о его идентичности, чем эклектические фрагменты его собственного стиля жизни.

В-четвертых, Сен исходит из общечеловеческой сущности, своего рода неизменной природы человека, и считает, что серьезным вызовом ей являются религиозные, культурные, национальные и цивилизационные рамки идентификации. По его мнению, существует гораздо большее множество уникальных разделительных линий. И потому гармония в современном мире опирается в большей степени на понимание плюраль-

ности человеческой идентичности и на признание того, что идентичности наслаиваются друг на друга и тем самым не дают создать резкую разделительную линию (Sen, 2006: 14).

Но неужели то, что человек или группа любят теннис и являются противниками экологических угроз, определяет их «смысл себя» больше, чем религия, цивилизационная, классовая или национальная принадлежность?

По мнению Сена, существует два вида редукционизма. Сведение идентичностей к самождественности религиозных или цивилизационных групп представляется ему редукционизмом первого типа, который характеризуется как «пренебрежение идентичностью». Примером являются позиции современных экономических теоретиков, считающих, что в своей конкретной деятельности люди не идентифицируют себя с кем бы то ни было, кроме самих себя. Другой вид редукционизма — «единичная (солидаристская) принадлежность», состоящая в том, что предполагается принадлежность каждого человека к одной-единственной коллективности. Но, думается, что Сен сам склонен к редукционизму, который можно назвать редукционизмом третьего типа — сведением идентичности к индивидуальной, из которой не следуют коллективные идентичности. Поэтому он постоянно говорит, по существу, не об идентичностях, а об индивидуальных жизненных стилях. Для Сена идентичность — это не «смысл себя», а принадлежность к чему-то.

Совершенно соглашаясь с ролевым плюрализмом, с мультикультурализмом, невозможно принять плюрализацию идентичности по аналогии с ролевой.

Многие исследователи сегодня говорят о плюрализации идентичностей, не сводя ее ни к ролям, ни к стилям жизни. Чаще всего речь идет о структурном разнообразии типов идентичности, которые интегрируются до определенной целостности. Так, профессор Гарвардского университета К. Корсгаард находит в структуре идентичности практиче-

скую или персональную идентичность; идентичность, вытекающую из действий; идентичность, определенную предшествующим выбором; идентичность, противостоящую растительному и животному существованию; рассматривающую человека как животного; гуманизм как практическую идентичность; идентификацию с принципами; идентификацию с разумом. Но это — структура идентичности, допускающая ее интеграцию и самоформирование как личности, так и социальных групп (Korsgaard, 2009).

Идентичность, на мой взгляд, может принимать сакральный характер, так как «смысл себя» — это глубинная духовная характеристика, выработанная человеком, группой или обществом в борьбе с распадом и дезинтегрированностью (Федотова, 2008: 401–407).

Дифференциация и интеграция в обществе. Но сегодня различиям уделяется большее внимание, чем интегрированности. П. Бурдьё справедливо указал на то, что социальное действие может привести к производству различий, которых прежде не существовало, и что, говоря людям, что они различны, их можно сделать различными (Bourdieu, 1984). Общество создает различия самим фактом мысли о них. Это так, но лишь до некоторой степени — выше уже было сказано об отсутствии абсолютных когнитивных возможностей конструирования идентичности. Бурдьё считал, что организация социального, в том числе и классов, осуществляется посредством культурных практик. Я думаю, можно сказать, что она не осуществляется без культурных практик. Но нет абсолютных возможностей конструирования идентичности ни в сфере культурных практик, ни в сфере практической деятельности. Теория классов проводила различия, соответствующие противостоянию общественных групп в системе общественного производства, а их борьба, хотя и поддерживалась идеологиями как продуктом теоретического понимания, отвечала социально-психологическим чувствам классов. Следовательно, натуралистически-эссенциалист-

ский подход сочетается с конструктивистским. Основываясь только на конструктивистском, мы лишаемся онтологии и попадаем в отмеченный выше п. 3 виртуальной реальности.

Количество различий в обществе действительно увеличивается, а степень интегрированности действительно уменьшается. Конечно, выдвижение концепции среднего класса способствовало усилению классового мира, но объективные процессы роста образования, технической вооруженности труда, улучшение уровня жизни работающих людей, их склонность поддержать статус были объективной предпосылкой этого. Привилегией среднего класса стала возможность дать высшее образование своим детям. Сегодня у него появились новые привилегии. Усиление дифференциации жизненных стилей проходит по линии культурных предпочтений: «Они возникли вследствие отношений большого числа различных полей — выстроившихся рангов моды, внутреннего дизайнера, спорта, занятий кулинарией, выбора типа отдыха, также как литературы, музыки, искусств и СМИ» (Blackshaw, 2010: 13). Но, по мнению, цитируемых английских авторов, многообразие жизненного выбора «дисагрегирует» культурный капитал, т. е. разбивает его целостность на части (Culture, Class, Distinction, 2009: 28–31). То же происходит с идентичностью любителей птиц, фанатов футбола, сторонников фитнеса и пр. Это не идентичность, это отказ от идентичности в прежнем понимании. Но в связи с найденными паллиативами смысла, т. е. в связи с ее кажущейся найденностью во всех этих смыслах досуга, а не труда, многие вполне могут трактовать это как идентичность.

В традиционном обществе идентичность не была проблемой, поскольку она была задана квазинатуралистически — ее поддерживаемый традицией характер оставался практически неизменным.

Современность заменила традицию инновацией, процесс изменения пошел быстро, и идентичность стала проблемой, преодолен-

ваемой в период стабильных фаз современности — либерального капитализма XIX в., организованного капитализма 1920-х — конца 1960-х годов — и вновь возникающей в периоды нестабильности и кризиса (Федотова, Колпаков, Федотова, 2008).

Общественный договор, социальный капитал, идентичность, жизненные стили имеют между собой много общего, ибо решают вопрос о принципах солидарности общества и осмысленности человеческой жизни. Вместе с тем в определенной мере прав английский исследователь Т. Блекшоу, который пишет об основных категориях социологического анализа: «...концептуальный статус работает как логика фондового рынка, в котором огромное число неуловимых, не имеющих реального основания сущностей — не в последнюю очередь обязанных высокомерию снобизма, капризам моды и особому отношению, когда люди любят получить деньги на хорошую вещь, — играют сюрреалистическую и непредвиденную роль. В настоящее время «сообщества», «идентичность», «социальный капитал» и «спорт» являются лидерами, устойчиво растущими в своем значении идеями; «класс», «культура» и «гендер» все еще являются объектами больших инвестиций... «глобализация», «жизненный стиль», «медиа» и «туризм» (самая старая из новых ключевых идей) пользуются повышенным спросом; «постсовременность», чья звезда сияла высоко относительно недавно и была настолько яркой, что слепила глаза... идет на спад; и «до-суг» продолжает хорошо продаваться» (Blackshaw, 2010: 9).

Категориальный аппарат анализа идентичности. В выстроенных Блекшоу категориальных рядах идентичность оказывается совсем не в одном ряду с жизненными стилями, как у А. Сена. Помимо указанных причин невозможности отождествления идентичности и жизненного стиля — несводимости идентичности к индивидуальной Я-идентичности и неотожествимости идентичности с жизненными стилями — Элиас вводит понятие Я-Мы-идентичности. Он пишет: «Без

Мы-идентичности не существует никакой Я-идентичности. Чаша весов баланса между Я и Мы, образцы отношений между Я и Мы могут лишь колебаться в ту или другую сторону» (Элиас, 2001: 136).

Категории «свой» и «чужой», «свой» и «другой» по-разному характеризуют иную реальность, поведение, способ мышления, идентичность. «Чужое» — это всегда что-то зловещее, непонятное, неприемлемое, враждебное. «Другое» лишено подобной оценочной характеристики и является в той или иной степени равноценной альтернативой «своему». Значимость категорий «чужое» и «другое» состоит в том, что только на их фоне познается «свое». «Свое», «другое», «чужое» являются важными факторами развития личной и коллективной идентичности.

В условиях кризиса идентичности часто происходит замена «своего» на «чужое», при котором «чужое» выступает как привлекательное, заслуживающее того, чтобы к нему тянулись, в отличие от «своего», которое воспринимается как устаревшее, негодное, бесполезное и чуждое. В условиях глобализации соотношение «своего» — «чужого» амбивалентно: от прежде имевшего места чистого антагонизма между ними устанавливаются более сложные отношения. Как «свое», так и «чужое» могут располагаться на континууме от максимальной привлекательности и восхищения до ненависти и вражды.

Глобализация как универсальный социологический контекст исследования идентичности. Хотя глобализация — это процесс, который меняет идентичность в той же мере, как и процесс модернизации, работ, которые рассмотрели бы связь глобализации и идентичности, крайне мало. Глобализация выступает не только как наиболее значимый для смены идентичности процесс, но также как контекст формирования новых идентичностей.

А. В. Костина пишет: «Первой причиной (здесь я не сказала бы, что первой, но, несомненно, особо значимой. — Н. Ф.) кризиса идентичности являются глобализационные

процессы, предполагающие обмен социально и культурно значимой информацией, открытые для передвижения, в том числе и для туризма, границы, взаимообмен профессиональными кадрами. Это также открытые рынки, обусловленные открытыми границами, свободной торговлей и «импортированием» труда из экономически отсталых в богатые страны, усиление миграционных потоков» (Костина, 2009: 169). Безусловно, все эти и многие другие аспекты значимы для смены идентичности и преодоления ее кризиса.

В российской научной литературе имеется автохтонная склонность представить процесс глобализации как предельно универсальный: во-первых, автоматически ведущий от обществ в национально-государственных границах к человечеству, всему человеческому сообществу, обществу как человеческому обществу; во-вторых, отождествляемый с процессом становления всемирной истории; в-третьих, объединяющий глобальные проблемы (экологии, войны, мира и пр.) и глобализацию. Спор по этой проблеме невозможен, так как в такой форме заявлено мировоззренческое знание, взгляд на мир. С научной точки зрения глобализация определяется как процесс свободной торговли, свободного обмена товарами, капиталами, идеями, информацией и, по возможности, людьми. Глобализация сопровождается манипуляцией сознанием, рекламой, продвигающей товары на глобальный рынок (Уткин, 2001; Практика глобализации..., 2000).

В западном мире, а также в других странах на глобализацию смотрят в этом узком значении, тем более что и первая глобализация (1885–1914 гг.) проходила как экономический процесс, сопровождавшийся, как и нынешняя глобализация, значительными социальными изменениям мирового масштаба и трансформациями внутри отдельных обществ в их национально-государственных границах.

Глобализация долгое время понималась как победа капитала над национальными интересами стран. Но ряд развивающихся

стран сумели успешно использовать глобализацию в своих национальных интересах, обеспечивая себе экономический рост. Чемпионом такого развития стал Китай, выстроивший свою экономику для глобального рынка. Китай производит для мировой торговли 90% белья, обувь, одежду, мебель, подражая итальянским и американским фирмам и вытесняя их с рынка, электронику, машины и пр. Тем не менее он сталкивается с культурными последствиями открытости миру. Его двойная система защиты от разрушения китайской идентичности — традиции пятитысячелетней цивилизации и коммунистический режим (Федотова, Колпаков, Федотова, 2008: 536–555) — не вполне спасают от негативных изменений, роста аномии, консюмеризма, девиантного поведения части молодежи. Недавно китайские власти приняли решение об ограничении экономического роста, обеспечиваемого запросами глобальной экономики, во имя снижения социальных и культурных противоречий.

Исследуя менее успешные страны третьего мира, специалисты отмечают, что и в них происходит экономический рост, связанный с воздействием глобальной экономики, однако появление негативных явлений в социальной сфере, эксплуатация этих стран Западом заставляют критически относиться к глобализации.

По мнению одного из исследователей, глобализация уменьшает способность социальных норм регулировать поведение людей (притом как в западных, так и незападных странах). Во-первых, она ухудшает саморегуляцию сообщества, разрушая отношения между людьми. В сообществах, не подвергшихся глобализации, т. е. сообществах с устойчивыми отношениями, люди вмешиваются в жизнь своих соседей, если замечают поведение, отклоняющееся от принятого. «Воля к вмешательству» и приведению ситуации в нормальное состояние разъедается процессом глобализации, меняющей отношения людей. Во-вторых, глобализация может понизить принудительность социальных норм, позволяя людям избегать санкций. Напри-

мер, люди разных социальных статусов и разных обществ по-разному видят то, что является законным и незаконным поведением, а также те способы, которыми оправдывается, осуждается или игнорируется такое поведение. В-третьих, в условиях глобализации люди, которые хотят осуществить какие-либо действия, влекущие за собой социальные санкции, делают это в тех местах, где они сами защищены от реальных последствий таких санкций. Примером может служить поведение западных туристов, приезжающих в развивающиеся страны для нелегальной сексуальной активности. К ним могут быть применены санкции, пока они находятся в этих странах. Однако эти санкции не будут распространяться на них, когда они вернутся домой (Кеепан, 2008: 332).

При этом одновременно обсуждается роль индивидов, действующих в этих условиях, и роль сообществ в области принуждения к нормам. В этой интерпретации нормы индивида меняются быстрее и раньше, чем нормы сообщества. Такие выводы могут быть сделаны в отношении любого процесса быстрых и неконтролируемых социальных изменений. И потому не всегда ясно, какую роль играет глобализация. К тому же потеря идентичности индивидами иногда осуществляется в силу потери идентичности сообществом. Кроме того, глобализация делает границы государств менее значимыми. Несмотря на это, криминал чаще всего оказывается в юрисдикции локальных властей. Глобализация с позиций стран третьего мира создает «зазор между успехом экономического роста и наблюдаемым социальным вредом». Даже теории глобализации, вдохновленные экономическим ростом, не могут отрицать разрушение локальной социальной структуры или культуры (Кеепан, 2008: 341).

Конфронтация глобализации со сложившимися формами идентичности ведет к кризису идентичности, который люди и сообщества вынуждены преодолевать, не полагаясь на окончательность или долговременность найденного решения. Идентичность стала глобальной примерно у 50 млн «граждан

мира», имеющих интернациональные браки, карьеры, меняющих страны проживания и отдыха.

Остальное человечество живет пока в локальных идентичностях, расширенных или разрушенных глобализацией. Как показывает Т. Фридман, в условиях глобализации такая новая форма социальных взаимоотношений, как аутсорсинг — выполнение работы, заказываемой Западом, в другой стране, например бухгалтерских операций Запада или компьютерных томограмм из США в Индии, позволяет индийцу выходить посредством использования информационных технологий на глобальный рынок и зарабатывать больше, чем он мог бы у себя в стране, не уезжая из Индии, не меняя при этом своей идентичности, не изменяя привычным образцам поведения, пищевым пристрастиям и всему тому, что делает его укорененным в культуру своей страны (Friedman, 2007: 29). Этот способ сохранить идентичность и вместе с тем экономически воспользоваться глобализацией весьма привлекателен, и, возможно, будут найдены и многие другие.

Но в большинстве других случаев идентичность страдает, имеющиеся попытки представить ее плюралистически подменяют идентичность ролями или жизненными стилями. На деле говорить о плюрализации идентичности, значит утверждать, что человеку, группе, сообществу, стране приходится пересматривать свои идентичности на протяжении своего существования. Как считает З. Бауман, «идентичности существуют сегодня исключительно в процессе постоянно пересмотра. Формация идентичности или ее ре-формация разворачивается в качестве пожизненной задачи, никогда не завершенной; нет момента жизни, когда идентичность “финальна”» (Bauman, 2008: 18). И это связано с глобализацией, создающей новые контексты социальных трансформаций. Бауман отмечает: «...на самом деле, глобализация смотрится сегодня как то, чего нельзя избежать и от чего нельзя повернуть вспять. Точка возврата была достигнута — и миновала. Нет пути назад. Наши взаимосвязи и взаи-

мозависимости уже глобальны» (Bauman, 2008: 26).

Я не уверена, что навсегда нет путей назад, но пока их нет, идентичность совпадает с процессом ее постоянного нахождения и следующих за этим потерь, новых поисков, нахождением и утраты снова и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Костина, А. В. (2009) Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации в границах этноса, нации, массы (начало) // Знание. Понимание. Умение. №4. С. 167–175.
- Практика глобализации: игры и правила новой эпохи (2000) / под ред. М. Г. Делягина. М. : Инфра-М.
- Уткин, А. И. (2001) Глобализация: Процесс и осмысление. М. : Логос.
- Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества М. : Культурная революция.
- Шапинская, Е. Н. (2009) Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации // Знание. Понимание. Умение. №3, 4.
- Элиас, Н. (2001) Общество индивидов. М. : Практис.
- Appiah, K. A., Gates, H. L. Jr. (1995) Editors Introduction: Multiplying Identities // Identities / ed. by K. A. Appiah, Gates H. L. Jr. Chicago, Illinois : Chicago University Press.
- Bauman, Z. (2008) Does Ethics Have Chance in a World of Consumers? Cambridge, Massachusetts ; L.
- Blackshaw, T. (2010) Leisure. L. ; N. Y. : Routledge.
- Bourdieu, P. (1984) Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste. L. : Routledge.
- Cerulo, K. A. (1997) Identity Construction: New Issues, New Directions // Annual Review of Sociology. Vol. 23.
- Culture, Class, Distinction (2009) / T. Bennett, M. Savage, E. Silva, A. Warde, M. Gayo-Cal, D. Wright. L. ; N. Y. : Routledge.
- Friedman, T. L. (2007) The World is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century. N. Y. : Farrar, Straus and Giroux.
- Huntington, S. (2004) Who are We? The Challenges to America's National Identity. N. Y. ; L. ; Toronto ; Sydney : Simon & Schuster.
- Keenan, P. J. (2008) Do Norms Still Matter? The Corrosive Effects of Globalization on the Vitality of Norms // Vanderbilt Journal of Transnational Law. Vol. 41. March. №2.
- Korsgaard, Ch. M. (2009) Self-Constitution: Agency, Identity, and Integrity. Oxford ; N. Y. : Oxford University Press.
- Sen, A. (2006) Identity and Violence: The Illusion of Destiny. N. Y. ; L. : W. W. Norton & Company Ltd.

Новые книги

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: итоги и перспективы : материалы Междунар. науч.-практич. конф., 20–21 окт. 2010 г. [Текст] / под ред. Т. А. Сошниковой. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. — 290 с.

Лунева, О. В. Социальный интеллект: история изучения и основные модели : научная монография [Текст] / О. В. Лунева. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. — 124 с.